

УМЕРШЕЕ СОСЛОВИЕ

(Из юношеских воспоминаний)

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989;
Том 7, с. 420-431.
Origin: Библиотека Якова Кротова
www.krotov.info

В 1884 году было напечатано в газетах, что в Нижнем Новгороде один торговец и один чиновник, сидя в трактире, бранили местного губернатора Баранова. Полиция арестовала этих господ, но губернатор Баранов приказал их освободить и указал полиции впредь не обращать внимания на такие ничтожные вещи.

Этот случай, не заслуживающий, кажется, ничего другого, кроме сочувствия должностному лицу, которое так распорядилось, - вызвал, однако, у кривотолков осуждение.

- Во всяком случае (доводилось слышать)- это своего рода рисовка, гарун-аль-рашидство; все это только разводит дикие фантазии.

Во дни нашей юности мы тоже видали "дикие фантазии", но только в другом роде. Нижегородские "дикие фантазии" напоминают мне другой город и другой губернаторский характер, который считали типическим в прошлую, хотя и не очень отдаленную от нас пору. Кто любит вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее с нынешним временем, для тех, может статься, это будет не лишено интереса.

Во время моей юности, проходившей в Орле, там жил "на высылке" Афанасий Васильевич Маркович, впоследствии муж талантливой русской писательницы, известной под псевдонимом "Марко Вовчок".

Афанасий Васильевич в очень молодых годах был выслан в Орел из Киева по случившейся в Киеве "истории", которую тогда считали "политическою" и называли "костомаровскою историей".

Маркович должен был жить в Орле и находиться под непосредственным наблюдением местного губернатора, а дабы наблюдение за ним было удобнее, Маркович был зачислен на службу в губернаторскую канцелярию. Тут он занимал должность делопроизводителя, или помощника правителя, - не помню уже теперь, по какому отделу.

Имущественные средства Марковича были не очень свободны - он нуждался в подспорье, которым ему и служило маленькое жалованье, присвоенное его канцелярской должности (помнится, что-то около двадцати пяти рублей в месяц). Занятия службою Марковича не тяготили, но не могла его не тяготить подчиненность лицу, от которого он зависел.

Орловскою губернией во время ссылки Марковича правил не раз упоминавшийся в литературе князь Петр Иванович Трубецкой.

Уверяли, будто он был человек не злой, но невоспитанный и какой-то, - как его звали орловцы, - "невразумительный". Князь знал и понимал в делах очень мало, или, вернее сказать, - почти ничего, а правительственного искусства он не имел вовсе, но безмерно любил власть и страдал охотою вмешиваться во все.

Такая склонность побудила его, между прочим, вмешаться даже в дела церковного управления, что и было причиною возникновения много раз описанной непримиримой "войны" между ним и покойным орловским архиепископом Смарагдом Крыжановским, который ранее, по случаю болезни Павского, дал несколько уроков покойному государю Александру Николаевичу во время его детства. Поэтому Смарагд слыл в Орле "царским законоучителем" и очень этим кичился. Вообще же он имел характер гордый и неуступчивый.

Его "война" с Трубецким есть своего рода орловская эпопея. Она не раз изображалась и в прозе, и в стихах, и даже в произведениях пластического искусства. (В Орле тогда были карикатуристы: майор Шульц и В. Черепов.) Интереснее истории этой "войны" в старом Орле, кажется, никогда ничего не происходило, и все, о чем ни доведется говорить из тогдашних орловских событий, непременно немножко соприкасается как-нибудь с этой "войной".

Я хочу рассказать об одном покушении князя Трубецкого вторгнуться в область истории и о том,